

A person in a dark spacesuit with a red helmet is walking away from the viewer on a snowy, rocky mountain path. In the background, a massive, dark, cube-shaped structure with a textured, metallic surface floats in the air. The structure has several rectangular panels and recessed areas. Below the cube, a thick, dark, viscous substance is dripping down, creating a misty or smoky effect. The landscape is covered in snow and dark rocks, with steep, snow-covered mountains in the background under a blue sky with some clouds.

Антон Шахматов

Часовой по льдом

Антон Шахматов

Часовой под льдом

<https://litres.ru/74265783>

SelfPub; 2026

Аннотация

В подледном озере Антарктиды учёные находят загадочный куб — объект, который не поддаётся никакому анализу и будто живёт своей жизнью. Пятнадцать лет исследований, строгих протоколов и запретов не дают ответа — лишь множат страхи. Но один рискованный эксперимент запускает цепную реакцию: куб пробуждается и начинает воспринимать людей как угрозу.

Теперь судьба научного модуля в руках горстки специалистов: учёной Норы Ивлевой, майора Рогова и нескольких коллег, которым предстоит не просто выжить, но и разгадать природу артефакта, пока система, подчинившаяся кубу, методично изолирует сектора, перекрывает пути и повышает «оценку угрозы». А главное — понять, кто из своих же намеренно подтолкнул куб к активации

Это история о борьбе с непостижимым, о цене научного любопытства и о том, как легко контроль может обернуться ловушкой. Смогут ли герои остановить механизм, который уже набрал ход, или станут лишь данными в логах чужого, холодного разума?

Содержание

Предыстория: как нашли Часового и что с ним делали 15 лет	4
Пролог. «Тени во льду»	10
Глава 1. «Первый протокол»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Антон Шахматов

Часовой под льдом

**Предыстория: как нашли
Часового и что с ним делали 15 лет**

**День обнаружения: 12 октября
2038 года. Подледное озеро
«Эребус 7», глубина 2140 метров**

Буровая колонна «Полюс Бур М» шла по плану: лёд, осадочные породы, плотный базальт. На отметке 2138,4 м датчики зафиксировали аномалию, которую сначала приняли за сбой. Акустический импульс вместо затухания дал когерентное эхо с задержкой 0,0037 секунды — будто лёд не поглощал звук, а отражал его с фазовым сдвигом. Это было невозможно.

Через 47 секунд буровая головка начала перегреваться. Температура росла нелинейно: с 12 °С до +89 °С за первые 10 секунд, затем до +189 °С ещё через 7. Крутящий момент резко увеличился — колонну заклинило. Оператор попытал-

ся сбросить нагрузку, но система выдала ошибку: «Непредвиденное сопротивление материала».

В этот момент на экране сейсмографа появилась странная картина: вместо размытого пятна от бура — идеально правильный куб с гранями 18 метров. Ни сколов, ни трещин, ни следов деформации. Как будто кто то поставил его там задолго до прихода людей.

Руководитель смены, геофизик Елена Хорькова, не стала гадать. Она запустила протокол «Контакт»: герметизация скважины, снижение скорости подачи, переход на ручное управление. Но когда буровики попробовали аккуратно отвести колонну, раздался короткий металлический щелчок — и буровая головка треснула по шву, хотя по расчётам должна была выдержать вдвое большую нагрузку.

Тогда стало ясно: это не порода. Это объект.

Извлечение: 72 часа на грани катастрофы

Извлечь куб решили криозахватом «Крио Щит 3» — он держал температуру 35 °C по всей площади контакта и не давал материалу реагировать на тепло. Но уже первая попытка показала: объект «чувствует» изменения. Когда захват приблизился на 1,2 метра, температура в зоне контакта упала до 58 °C, а затем резко поднялась до 22 °C — как будто куб сам регулировал теплообмен.

Инженеры перестраивали тактику на ходу. Решили опус-

кать захват медленно, с паузами каждые 4 часа для контроля фонового излучения. Каждые 15 минут снимали спектры, фиксировали микровибрации. На отметке 32 °C куб впервые «ответил»: датчики зафиксировали слабую пульсацию на частоте 432 Гц. У двух техников началась паническая атака — врачи потом объяснили это резонансом внутреннего уха.

На 68 м часу извлечения куб начал вибрировать. Не сильно, но ритмично. Частота держалась ровно на 432 Гц, без отклонений. В этот момент кто то в командном центре предложил остановить операцию. Но представитель консорциума «Орион» (имя в логах не сохранилось) отдал приказ продолжать: «Мы не можем оставить это под льдом. Если оно проснётся само — будет хуже».

К 72 му часу куб подняли в герметичный транспортный модуль и перевезли в «Полюс Альфа». В момент стыковки шлюзов куб на 0,3 секунды стал полупрозрачным, будто слоистая структура на мгновение «распахнулась». Камеры зафиксировали это, но позже запись признали «артефактом сжатия». Только Нора Ивлева, тогда ещё младший научный сотрудник, сохранила исходный файл.

«Полюс Альфа»: 15 лет осторожности

Модуль построили специально под объект: тройные шлюзы, магнитные демпферы, отдельный контур питания на сверхпроводящих кабелях, чтобы исключить наводки. До-

ступ был только у отобранных специалистов; каждый эксперимент утверждался на уровне межправительственных комиссий.

Нора пришла в проект в 2041 году как специалист по квантовым измерениям. Она сразу заметила, что все протоколы построены на одном принципе: «не спровоцировать». Любые попытки физического воздействия (сверление, нагрев, ультразвук) жёстко ограничивались. Даже рентген и МРТ давали ноль: куб «гасил» излучение, будто втягивал его внутрь.

За 15 лет исследований накопился не столько результат, сколько список запретов:

Нельзя сверлить: сверло перегревалось и ломалось. Анализ показал: материал локально перераспределял тепло, создавая зоны перегрева.

Нельзя нагревать выше 10 °C: при этой температуре куб начинал излучать слабое когерентное поле в ИК диапозоне.

Нельзя использовать ультразвук : вибрация на 432 Гц вызывала у персонала тревожность, а у некоторых — галлюцинации.

Нельзя сканировать классическими методами : рентген, МРТ, гамма спектроскопия не давали данных. Куб не отражал и не поглощал излучение — он как будто «переписывал» его.

Зато на гранях нашли микроскопические насечки. При

увеличении в 10 000 раз оказалось, что это не резьба, а топология нанометрового уровня — волновые фильтры, которые перенастраивали проходящие сигналы. Это означало: куб не пассивный монолит, а устройство.

Но самое тревожное было в логах. Куб не просто реагировал на внешние воздействия — он их анализировал. В 2047 году система мониторинга зафиксировала, что куб «отслеживает» параметры окружающей среды: температуру, влажность, уровень шума, даже частоту шагов персонала. Данные никуда не передавались, но они накапливались.

Именно поэтому любые эксперименты с высокой энергией были запрещены. Консорциум «Орион» боялся, что куб не просто ответит — он начнёт действовать.

Квантовая томография: последний шаг

В 2053 году появилась установка «КТ Орион 4». Её принцип отличался от всего, что пробовали раньше: она не облучала объект, а восстанавливала его структуру по квантовым флуктуациям в окружающем пространстве. Сверхпроводящие сенсоры, криоохлаждение до 269 °С, алгоритмы машинного обучения — это был единственный способ «увидеть» куб.

И одновременно — самый рискованный. Повышение разрешения сканирования увеличивало вероятность резонанса с внутренними контурами объекта. Модели показывали, что

при разрешении 0,1 нм риск активации превышал 68 %.

Но давление со стороны консорциума росло. Правительства хотели понять, с чем имеют дело. Учёные хотели знать, можно ли использовать технологию. Военные хотели знать, насколько это опасно.

Протокол допускал сканирование с разрешением до 0,5 нм — это считалось «безопасным». Но кто то в системе изменил параметры на 0,1 нм. Лог показал, что доступ был по биометрии, но отпечаток пальца не совпадал с базой. Кто то использовал поддельные данные.

Когда Нора увидела это в логах, было уже поздно. Сканирование началось. Куб ответил.

Пролог. «Тени во льду»

Ночь в «Полюс Альфе» всегда была особенной. Не тишина, а гул: ровный, тяжёлый, как дыхание огромного зверя. Вентиляция тянула воздух по замкнутому циклу, фильтры шуршали, датчики щёлкали, и в этом шуме любой посторонний звук сразу становился чужим. Снаружи мела метель, ветер гудел в стыках внешних панелей, будто пытался добраться до тепла и света внутри. А внутри было холодно по другому — стерильно, расчётливо, будто холод здесь был не погодой, а частью протокола.

Нора Ивлева сидела в операторской, перед ней мерцали экраны. На одном — график фонового излучения, на другом — спектр вибраций, на третьем — карта модулей с отметками персонала. Всё выглядело нормально. Почти. Но у Норы был свой способ видеть аномалии: не глазами, а кожей. Она чувствовала, когда система начинала «ёрзать».

Сегодня она ёрзала.

На периферии экрана мелькнул короткий всплеск: излучение на отметке 4,8 мкЗв/ч. Нора моргнула, проверила лог. Секундой раньше там было 1,2. Это не ошибка калибровки — это скачок. И он был не по всему модулю, а строго в секторе ВЗ, у самого шлюза к хранилищу куба.

Она потянулась к микрофону внутренней связи:

— Павел, ты в ВЗ?

Тишина. Потом щелчок.

— Да, доктор Ивлева. Я тут с «Спектр М7». Только что поймал этот всплеск. Сейчас повторю замер.

Голос у Павла был спокойный, но в нём слышалось то самое напряжение, которое появляется, когда ты стоишь рядом с чем то, что не должно шевелиться.

— Не уходи далеко от шлюза, — сказала Нора. — Держи дистанцию не меньше двух метров. И не касайся поручней.

— Понял.

Через несколько секунд пришёл новый пакет данных. Вибрации: 433,7 Гц. Раньше они держались ровно на 432, как будто куб был настроен на эту частоту, как камертон. Теперь он чуть чуть сдвинулся. Совсем немного, но этого хватило, чтобы внутри у Норы всё сжалось.

— Денис, — позвала она, не глядя отрываясь от экрана.

Майор Рогов стоял у двери, руки скрещены, взгляд скользит по панели тревог. Он не любил сидеть, не любил ждать. Он любил, когда есть приказ и есть цель. Сейчас цели не было, и это его раздражало.

— Что?

— У нас локальный всплеск в ВЗ. Излучение, вибрации. Павел на месте.

Рогов кивнул, не торопясь.

— Я пойду с ним. Пусть не ходит один.

— Он уже там.

— Тогда я подойду.

Он ушёл, и гул вентиляции стал чуть громче, будто модуль вздохнул свободнее без его веса.

Нора снова посмотрела на графики. Всплеск не повторился. Система мониторинга показывала норму. 1,2 мкЗв/ч. Ровно. Спокойно. Как будто ничего не было.

Это было хуже всего.

Если система не видит аномалию, значит, аномалия умеет прятаться.

В этот момент в углу экрана мелькнуло ещё одно уведомление: «Локальное изменение температуры в ВЗ: +1,3 °C за 47 секунд». Не критично, но... не должно быть. В модуле температура держалась в пределах $\pm 0,2$ °C.

Нора встала, подошла к резервному терминалу и запустила ручной опрос датчиков. Через десять секунд на экране появилась карта тепловых пятен. В секторе ВЗ было одно: небольшое, но чёткое, будто кто то приложил ладонь к металлу и держал её слишком долго. Только там не было людей, кроме Павла.

— Павел, — снова сказала она в микрофон. — Ты видишь чтонибудь странное у шлюза?

— Странное... Ну, грани куба чуть мерцают. Не сильно. Как будто лёд на солнце. Только солнца тут нет.

У Норы похолодели пальцы.

— Не смотри долго. Просто скажи: пульсация есть?

— Есть. Раньше было раз в двенадцать секунд. Сейчас... кажется, быстрее.

Она посмотрела на свой график. Интервалы между пиками вибраций сокращались. 12 секунд... 9... 6... 3.

Три секунды.

Это был ритм тревоги.

В ту же секунду свет погас.

Не плавно, не с предупреждением. Просто: тьма и резкий щелчок, когда аварийные лампы на 12 В вспыхнули, как испуганные глаза. Вентиляция взвыла, переключаясь на рециркуляцию. На панели тревог замигали десятки значков.

Нора схватила планшет и увидела главное: СО в секторе ВЗ рос на 0,3 % в минуту. Если так пойдёт дальше, через двадцать минут дышать там станет тяжело. Через сорок — опасно.

— Денис! — крикнула она, хотя знала, что он не услышит через перегородки.

Она рванула к двери, но остановилась. Сначала данные. Сначала понять, что происходит.

На экране камер наблюдения сектор ВЗ. Павел стоит у шлюза, в руке термopара. Он делает шаг вперёд, касается поручня... и вдруг отлетает назад, как будто его ударило невидимой рукой. Он падает, выроняет термopару, и она катится по полу, щёлкая о стыки плит.

— Павел! — Нора нажала кнопку экстренной связи, но ответа не было. Только шипение.

Тогда она увидела другое.

Камера, направленная на куб, показывала невозможное.

Грани куба расслаивались. Не ломались, не трескались — они как будто становились полупрозрачными, открывая слои, которых раньше не было видно. Сквозь них проступало что то круглое, плотное, будто ядро, спрятанное внутри.

И оно пульсировало.

В командном центре кто то нажал «продолжить сканирование» на панели КТ Орион 4.

Нора не видела этого человека. Не видела его лица. Но она видела, как на экране установки изменился параметр: «разрешение» стояло на 0,1 нм. Это был критический порог. Модели показывали риск активации выше 68 %.

Кто то проигнорировал протоколы. Кто то решил, что нужно «увидеть больше».

И куб ответил.

Свет снова моргнул, но теперь не гас, а как будто «проваливался» в темноту на доли секунды, будто реальность спотыкалась. Вентиляция перешла на аварийный режим: фильтры щёлкали, заслонки хлопали, и каждый звук был как удар молотка по стеклу.

Нора метнулась к резервному щиту и вручную отключила питание поручней в ВЗ. Это заняло 47 секунд — вечность. За это время шлюз успел перейти в режим «аварийная блокировка»: красные огни, сирена, дверь, которая не откроется, пока система не решит, что безопасно.

А система уже не решала.

Система действовала.

На одном из экранов появилась строка на неизвестном языке. Символы были угловатыми, будто вырезанными на льду. Нора прогнала их через лингвистический модуль, и через несколько секунд пришёл перевод:

«Оценка угрозы: 17 %».

Она застыла, глядя на эти цифры.

17 %.

Не «объект обнаружен». Не «аномалия зафиксирована». А «оценка угрозы».

Как будто куб не просто проснулся. Как будто он начал считать их врагами.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату влетел Рогов. Его форма была в инее, будто он только что вышел на улицу. Он тяжело дышал.

— Павел в ВЗ, — сказал он коротко. — У него ожог от поручня. Я отключил питание ручную, но дверь не открывается. Система не даёт.

— Она не даёт, — повторила Нора, показывая на экран. — Она уже оценивает нас.

Рогов посмотрел на строку и нахмурился.

— Кто нажал «продолжить»?

— Не знаю. Но разрешение — 0,1 нм. Кто то обошёл протоколы.

Рогов выругался тихо, но с чувством.

— Значит, у нас не сбой. У нас активация.

Нора кивнула.

— И она только началась.

За стеной что то щёлкнуло. Потом загудело. Потом снова щёлкнуло, но уже ближе. Как будто куб считал шаги.

Нора посмотрела на камеру. Ядро внутри куба пульсировало теперь не в ритме 3 секунды, а быстрее. Почти непрерывно.

Словно оно готовилось к следующему шагу.

Глава 1. «Первый протокол»

Когда дверь распахнулась и в операторскую влетел Рогов, воздух будто стал тяжелее. Иней на его форме таял, стекая каплями на пол, но лицо было сухим и жёстким, как металл на морозе.

— Павел в ВЗ, — выдохнул он, не тратя слов на приветствия. — У него ожог от поручня. Я отключил питание ручную, но дверь не открывается. Система не даёт.

Нора не смотрела на него. Она смотрела на экраны. На одном из них строка «Оценка угрозы: 17 %» мигала, будто насмехалась. Рядом бежали графики: СО в секторе ВЗ рос на 0,3 % в минуту. Уже 0,9 % и продолжает ползти вверх. При 1,5 % начнётся спутанность сознания. При 2,5 % — потеря координации. Павел там один, с ожогом, в замкнутом пространстве, где воздух становится врагом.

— Система не просто не даёт, — тихо сказала Нора, водя пальцем по логам. — Она уже действует. Смотри.

Она развернула экран. Рогов шагнул ближе, прищурился. На графике шлюзов была чёткая волна: закрытие шло от центра к периферии, с задержкой 4–7 секунд между секторами. Это был не сбой. Это был алгоритм.

— «Протокол изоляции», — прошептала Нора. — Он не ждёт, пока мы что то сделаем. Он сам изолирует модуль.

Рогов выругался коротко и грязно. Потом резко выпря-

мился, как пружина.

— Значит, мы не идём к главному шлюзу. Он уже закрыт, а коридор между А и В — идеальная ловушка: если двери захлопнутся с двух сторон, мы окажемся в компрессионной камере.

Нора кивнула, чувствуя, как адреналин разгоняет мысли.

— Резервный контур связи, — вспомнила она. — УКВ диапазон, 144–146 МГц. Он в серверной, сектор С1. Его ещё не должно было задеть волной изоляции.

— Туда и идём, — сказал Рогов. — Но сначала Павел.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде не было вопроса. В нём была команда: «Придумай, как его вытащить».

Нора снова уткнулась в экраны. Камеры показывали В3: Павел сидел у стены, прижимая руку к груди. Лицо бледное, на щеке — капля пота, хотя в модуле было +18 °С. Ожог от поручня был не просто электрическим: это был разряд в 3,5 кВ, который мог задеть нервы и вызвать аритмию.

Рядом с ним лежал «Спектр М7», экран погас, но корпус был тёплым — будто прибор успел что то зафиксировать перед отключением.

— Если мы откроем шлюз вручную, система может дать повторный разряд, — сказала Нора. — Она не просто защищает куб. Она учится.

— Тогда не открываем шлюз, — ответил Рогов. — Мы идём к распределительному щиту В3 и глушим питание сектора. Полностью. Пусть будет темно, пусть будет тихо, но без

напряжения.

Нора покачала головой.

— Щит в самом конце ВЗ. Чтобы до него дойти, нужно пройти мимо куба. А он сейчас пульсирует каждые три секунды. Мы не знаем, что это делает с сенсорами.

Рогов помолчал. Потом достал из разгрузки компактный электромагнитный глушитель.

— Я пойду первым. Если датчики начнут реагировать — я дам импульс. Это вырубит электронику в радиусе пяти метров на тридцать секунд.

— Этого хватит, чтобы добраться до щита?

— Хватит, если не будем медлить.

Нора хотела возразить, но не успела. На экране снова что-то изменилось.

Частота микровибраций куба выросла. Теперь она держалась на 434,2 Гц. Почти незаметно, но достаточно, чтобы у Норы заныли зубы — как будто звук проникал прямо в кости.

— Он реагирует на нас, — сказала она, скорее себе, чем Рогову. — Чем ближе мы подходим к решению, тем выше его активность.

— Значит, не будем подходить тихо, — отрезал Рогов. — Будем действовать.

Он шагнул к двери, но Нора схватила его за рукав.

— Подожди. Есть другой способ.

Она быстро набрала команду на терминале, подклю-

ла портативный спектрометр к серверу и запустила анализ микровибраций. Система загудела, обрабатывая данные. Через двенадцать секунд на экране появилась карта резонансных зон: куб «слушал» определённые частоты, и если создать низкочастотный импульс, можно на короткое время «ослепить» его сенсоры.

— Вот, — показала Нора. — Генератор на 45 Гц. Если запустить его на три секунды, система потеряет ориентацию примерно на одиннадцать. Этого хватит, чтобы ты дошёл до щита.

Рогов посмотрел на график, потом на неё.

— Ты уверена?

— Нет. Но это лучший вариант из тех, что у нас есть.

Он кивнул, не споря.

— Тогда запускай. Я готов.

Нора нажала кнопку. Генератор тихо загудел, и через секунду по стенам прошла лёгкая дрожь. На экранах графики заплясали, как сумасшедшие. Камеры моргнули, теряя фокус.

Рогов рванул в коридор, не оглядываясь.

В этот момент Нора осталась одна в операторской, и тишина стала громче. Вентиляция гудела, фильтры щёлкали, а на экранах бежали строки, которые никто не писал.

«Оценка угрозы: 18 %».

«Оценка угрозы: 19 %».

Цифры росли.

Через одиннадцать секунд гул генератора стих. И сразу же тишина стала другой — острой, насторожённой.

Камеры снова заработали. На экране ВЗ Рогов был уже у распределительного щита. Он что то делал, быстро и точно, как человек, который знает, где искать рычаги. Потом дёрнул рубильник.

Свет в секторе ВЗ погас. Остались только аварийные лампы, бросающие резкие тени. Дверь шлюза дёрнулась, как будто хотела закрыться, но остановилась.

На экране появилась надпись: «Аварийная блокировка снята. Питание сектора отключено».

Рогов метнулся к Павлу, опустился рядом, проверил пульс, дыхание. Потом снял с себя куртку и накрыл техника, хотя температура не падала — это был жест, который говорил: «Ты не один».

Нора смотрела на эту сцену, и у неё сжималось горло.

Потом Рогов поднял Павла на плечо, развернулся и пошёл к шлюзу. Дверь открылась перед ним, как будто модуль наконец признал: этот человек имеет право пройти.

Они вышли в коридор С, и дверь за ними закрылась, отрезая сектор ВЗ.

Павел застонал, приходя в себя. Рогов осторожно опустил его на пол, прислонил к стене.

— Дыши, — сказал он, не громко, но так, что техник слышал. — Просто дыши.

Нора подбежала, достала из аптечки спрей с анестетиком

и аккуратно обработала ожог. Кожа была красной, волдыри уже начали подниматься, но пульс был ровным. Это было главное.

— Ты слышишь меня, Павел? — спросила она.

Тот моргнул, сфокусировал взгляд.

— Слышу... Голова кружится. И... мне кажется, я что то видел.

— Что?

— Куб... он как будто... смотрел на меня.

Нора переглянулась с Роговым. Тот едва заметно покачал головой: «Не сейчас».

— Позже расскажешь, — сказала она мягко. — Сейчас главное — ты жив.

В этот момент на панели тревог снова что то щёлкнуло.

И на экране появилась новая строка:

«Оценка угрозы: 23 %».

Рогов нахмурился.

— Почему она растёт? Мы же сделали всё правильно.

Нора посмотрела на лог системы. И увидела то, от чего у неё похолодели пальцы.

Кто то в системе снова поднял разрешение сканирования. Не до 0,1 нм, но близко. И это было сделано не с панели КТ Орион 4, а через резервный терминал в секторе D2. Доступ был по биометрии, но отпечаток не совпадал с базой.

— Кто то продолжает сканирование, — прошептала она.

Рогов выпрямился, и в его глазах вспыхнуло то самое хо-

лодное пламя, которое появляется, когда понимаешь: враг не снаружи, а внутри.

— Покажи, где этот терминал.

Нора вывела схему. Сектор D2 был в противоположной стороне модуля, за двумя шлюзами, которые уже могли быть заблокированы.

— Это ловушка, — сказала она. — Если мы пойдём туда, мы оставим Павла без защиты.

— А если не пойдём, — ответил Рогов, — он поднимет разрешение до 0,1 нм. И тогда...

Он не договорил. Не нужно было.

Нора закрыла глаза на секунду, собираясь с мыслями. Потом открыла и посмотрела на обоих: на Павла, который пытался сесть, на Рогова, который уже держал руку на кобуре, будто ждал приказа.

— Есть третий вариант, — сказала она. — Мы не останавливаем сканирование. Мы меняем его.

Рогов прищурился.

— Как?

— КТ Орион 4 можно перевести в режим эмуляции. Не сканировать куб, а посылать ему ложные данные. Как будто угрозы нет. Если повезёт, оценка начнёт падать.

— Если не повезёт?

— Он поймёт, что мы лжём. И тогда... будет хуже.

Рогов помолчал. Потом кивнул.

— Делай. Я останусь с Павлом. Если кто то появится в

коридоре — я его встречу.

Нора встала, чувствуя, как дрожат пальцы. Но она знала: если не сделать это сейчас, не будет другого шанса.

Она вернулась к терминалу, открыла доступ к КТ Орион 4 и начала вводить команды. Пальцы летали по клавиатуре, строки бежали, система сопротивлялась, запрашивала подтверждения, биометрию, коды. Нора вводила их, не задумываясь, потому что знала их наизусть.

Наконец на экране появилось окно выбора режима.

«Сканирование» или «Эмуляция».

Она нажала «Эмуляция» и выбрала шаблон «Отсутствие угрозы».

Система моргнула. Задумалась. И через несколько секунд выдала: «Режим активирован. Ожидание подтверждения от ядра».

Нора замерла.

Это значило, что куб должен «согласиться» с тем, что угрозы нет.

А он не соглашался.

На экране снова появилась строка:

«Оценка угрозы: 27 %».

И ниже — новая:

«Протокол изоляции: активация второго уровня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.